

МИНСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ В ГОДЫ ЕЕ ПЕРВОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ*

АНТОНИК
Виталий Кириллович.

Минская Духовная Семинария—1960, Ленинградская Духовная Академия, кандидат богословия—1964, Биологический факультет Белгосуниверситета—1971, профессор—2000.

ТРУДЫ №1

Минской Духовной Академии

Весь христианский мир готовится достойно встретить величайшее торжество — двухтысячелетие Рождества Христова. Но, кроме этого юбилея, общего для всех христиан, в каждой Поместной Церкви, в каждой составной части той или иной Церкви, вспоминаются и отмечаются глубоко свои, пусть скромные в масштабе общецерковном, но для них важные и дорогие события.

Так и Минская Духовная Семинария в текущем году будет отмечать десятилетие своего второго возрожденного бытия. В связи с этим на Педагогическом Совете было решено возвестить и почтить труды нашей школы за время ее первого возрождения, то есть в 1945 по 1963 годы. Эту задачу Совет поручил мне, вот таким образом я оказался перед Вами на этой кафедре.

История открытия МинДС непосредственно связана со знаменательной встречей Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Сергия (Страгородского), Митрополита Алексия (Симанского) и Митрополита Николая (Ярушевича) с Председателем Совета Народных Комиссаров СССР Иосифом Сталиным, которая произошла 4 сентября 1943 года. Здесь не тот случай, чтобы излагать в деталях эту встречу и всю ее значимость для жизни Русской Православной Церкви. Однако следует указать, что именно на этой встрече был решен вопрос о воссоздании духовных учебных заведений РПЦ. Митрополит Сергей проинформировал Сталина об острой нехватке священнослужителей. Как сообщает в своих записках Г.Г. Карпов, присутствовавший во время встречи со стороны правительства, Сталин, вынув трубку изо рта и глядя в упор на своих собеседников, спросил: «А почему у вас нет кадров?» Причины нехват-

*Речь на годовичном Акте Минской Духовной Семинарии 12 февраля 1999 г.

ки священнослужителей были известны всем. Но кто мог дерзнуть сказать о них Сталину открыто? Вопрос вождя вызвал некоторое замешательство у собеседников. Однако, Митрополит Сергей, преодолев смущение, произнес ту самую знаменитую фразу, которая решила многое: «Кадров у нас нет по разным причинам, и вот одна из них: мы готовим священника, а он становится маршалом Советского Союза». Довольная улыбка тронула губы Сталина, и он сказал: «Да, да, как же. Я семинарист. В свое время слышал и о Вас» (в начале XX-го века Владыка Сергей был ректором столичной Академии). После этого Сталин предался воспоминаниям. Напряжение спало, и беседа приняла непринужденный характер. Сталин тут же дал указание Г.Г. Карпову разработать предложение о воссоздании духовных школ РПЦ.

Современные интерпретаторы истории пытаются выяснить причины, которые побудили Сталина пойти на такой шаг. Обычно считают, что Сталин, представляя Церкви некоторые послабления, надеялся снискать симпатии Западных держав, попросту говоря, заигрывал с Западом. Такое объяснение совершенно не согласуется с обликом Сталина, который хотя и был мастером интриг, но никогда не опускался до политического флирта и тем более угодничества. К тому же к осени 1943 года часы истории стали отсчитывать время побед русского оружия: позади был не только Сталинград, но и Курская битва. Красная Армия готовилась форсировать Днепр, а белорусские партизаны в бассейне реки Припять, через так называемые «окна», уже вступали в контакты в разведгруппами Красной Армии. Это было время, когда Сталин входил в зенит своей славы, становился непрекращаемым авторитетом, народным кумиром. Ему ли нужны были какие-то заигрывания с кем бы то ни было! В действительности же промыслительно пришла полнота времени. Священное Писание такие ситуации объясняет просто и ясно: «И вспомнил Господь Завет Свой..., и услышал Господь вопль народа Своего» (ср.

Исх. 3). А исполнителем Своей воли Бог мог избрать кого Ему угодно, даже Сталина.

Так или иначе, 28 ноября 1943 года было принято постановление СНК за №1324, разрешающее открыть духовные школы в Москве, и в следующем году, при Патриархе Алексии I, были открыты Православно-Богословский институт и Богословско-Пастырские курсы в Новодевичьем монастыре города Москвы. В том же году подобные курсы были открыты в Саратове. Патриарх Алексей I обратился в Совет по делам религий при СНК с письмом, где обосновал необходимость создания Пастырско-Богословских курсов в Ленинграде, Минске, Киеве, Ставрополе, Луцке, Львове, Одессе и Таллине. В течение 1945 и 1946 годов во всех городах, упомянутых в письме Патриарха, такие курсы были открыты, за исключением Таллина. В дальнейшем в связи с постановлением СНК от 23 ноября 1946 года за №4191, полученным Московской Патриархией, эти курсы были реорганизованы в Духовные Семинарии, за исключением Львовских, упраздненных через год после открытия.

История создания нашей Семинарии представляется следующим образом. Летом 1945 года Минский архиепископ Василий (Ратмиров) пригласил к себе отца Виталия Борового и поручил ему организовать при Жировицком Свято-Успенском монастыре курсы для подготовки священнослужителей. 25 ноября 1945 года Богословско-Пастырские курсы в Жировицах были открыты. Первый набор состоял из двенадцати человек пожилого возраста. Как свидетельствует отец Виталий, Архиепископ Василий не уделял должного внимания этим курсам и не планировал их развития в перспективе. Дело существенно изменилось, когда на Минскую кафедру в феврале 1947 года был назначен Архиепископ Питирим (Свиридов). Сам в прошлом педагог, он живо стал интересоваться Жировицкими курсами и ходатайствовать о создании Семинарии. Вследствие этого, 10.09.1947 года Бого-

словско-Пастырские курсы при Свято-Успенском монастыре были преобразованы в Минскую Духовную Семинарию. В это же время закрывается Виленская Духовная Семинария, и 20 ее воспитанников переводятся в Жировицы, так что общее число учащихся МинДС в 1947/48 учебном году достигло 110 человек. Было укомплектовано три класса (в то время Семинарии по дореволюционной традиции делились на классы, деление на курсы было в Академиях).

В архивах МинДС сохранились годовые отчеты с 1947 по 1962 год. Они очень лаконичны и представляют собой скорее статистическую справку, чем документ, отражающий духовную жизнь школы. Форма годовых отчетов, а об этом сказано в самих отчетах, была предписана Учебным Комитетом Московской Патриархии. Поскольку же все ведомства МП отчитывались Совету по делам религий при Совмине СССР, то надо полагать, что и форма отчета была предписана этой инстанцией. Сам характер информации, которую требовалось представить, отражал преимущественно социальные данные об учащихся. Для ясности перечислим основные сведения, которые требовалось указать: национальность, возраст, образование, социальное происхождение, семейное положение, место работы до поступления в семинарию, успеваемость, отчисление из состава учащихся (при чем с подробной дифференциацией мотивов отчисления). Все эти сведения представлялись как по классам, так и в сводной таблице. На основании полученных данных советские аналитики, по видимому, пытались проследить общую динамику жизни школы, и в какой-то мере определить религиозные тенденции общества в целом.

Что же говорят статистические данные о жизни МинДС в советское время (так условно назовем рассматриваемый период)? Общее число учащихся МинДС стабильно превышает цифру сто. В то же время постепенно наблюдается уменьшение числа лиц, отчисленных из состава учащихся. В конце сороковых годов эти

отчисления были значительны. Например, в 1948/49 учебном году было отчислено 22 человека, в следующем—19, при общей численности 133 и 112 соответственно, а в 1955/56 учебном году из 104 воспитанников выбыло только 9. В первые годы существования семинарии многие оставляли школу по семейным обстоятельствам, так как еще сказывались последствия войны: везде было разорение, болезни, бедность. В пятидесятые года контингент учащихся Семинарии становится практически молодежным. Первоначально в школе было значительное число людей в возрасте, теперь же в основном учатся молодые люди. Правда, последствия войны еще ощущались в сфере образования Белорусской республики: многие учащиеся отставали на два-три года от обычных возрастных параметров общеобразовательной школы и в возрасте 18 лет, когда обычно уже десятилетка должна быть закончена, они сидели за партой в восьмом или девятом классе. Поскольку же в Семинарию принимались лица, достигшие «конституционного» совершеннолетия, то есть 18 лет, то многие, не окончив среднюю школу, стремились поступить в Семинарию, имея восемь или девять классов средней школы. Динамику образовательного ценза нашей Семинарии в советское время можно проиллюстрировать несколькими цифрами. Так в 1954 году из 115 учащихся 26 имели среднее образование, что составляло 23%, а в 1960 году на 95 человек приходилось уже 32 семинариста со средним образованием, то есть 33% от общего числа учащихся.

Согласно существовавшему законодательству, лица мужского пола, достигшие 18 лет, призывались на службу в армию. Семинария не имела иммунитета против этого закона. Поэтому молодые люди, поступившие в Семинарию, знали, что через год-другой их могут призвать на военную службу. И все же желание хотя бы на какое-то время приблизиться к жизни духовной школы было непреодолимым, и молодые люди стремились в Семинарию, поступали и ждали часа сво-

его призыва в армию. В Слонимском Райвоенкомате в то время отделом призыва в армию заведовал майор Степанов — «недремлющее око» над семинарией. Майор не только брал очередников, но несколько раз устраивал форменные погромы, мобилизуя даже лиц, имевших отсрочки или освобождения, так называемые «белые билеты». Он публично рвал эти билеты и отправлял их владельцев служить. Так в 1954 году сразу было призвано в армию 42 человека из общего числа учащихся 115, то есть был призван каждый третий. Затем в 1958 году было призвано 29 человек от общего числа 131 учащийся, то есть приблизительно каждый четвертый семинарист стал солдатом. Примечательно то, что почти все отслужившие армию семинаристы, не смотря на идеологическую обработку, которой они подвергались во время службы в армии, возвратились в семинарию, чтобы продолжить учебу. Демобилизованных семинаристов снова встречал товарищ Степанов и снова чинил пакости: медлил с регистрацией демобилизованных, а это в свою очередь осложняло администрации Семинарии процесс восстановления их в составе учащихся. В дальнейшем военкомат часто призывал уже отслуживших армию на военные сборы, тем самым отрывал их от учебного процесса. И все же приток молодежи в МинДС увеличивался из года в год, так что в 1956 году впервые в нашей школе были конкурсные экзамены. До этого времени «отсев» поступающих был по причине здоровья, возраста, мировоззренческого несоответствия. Такие лица просто не допускались к экзаменам, экзамены же превращались в простую формальность: практически все лица, прошедшие отбор, поступали в Семинарию. И вот в 1956 году появилась возможность проводить отбор с учетом подготовленности. Всего к экзаменам было допущено 49 человек, а экзамены выдержали только 38 человек. В 1957 году было допущено к экзаменам 70 человек, выдержали — 42. В 1958 году допущены 51, экзамены сдали 32 человека. В 1959 году к экзаменам допущено 12 человек, хотя прошення на поступление в семинарию подали

21 человек. Все допущенные к экзаменам были приняты.

Показатели вступительных экзаменов 1959 учебного года были следствием новой политики Хрущева в отношении к Церкви. 4 октября 1958 года ЦК КПСС принял секретное постановление «О недостатках научно-коммунистической пропаганды», которое обязывало советские учреждения и общественные организации усилить антирелигиозную агитацию. Но высшее партийное руководство уже убедилось, что пропаганда атеизма как средство борьбы с религией мало эффективна. Факты показывали, что число поступающих в духовные школы не уменьшалось, а увеличивалось, одновременно возрастал уровень образования поступающих, в составе учащихся преобладала молодежь. Наконец, самый большой процент поступивших в духовные школы по социальному происхождению составляли выходцы из рабочего класса, т. е. самой революционной и передовой части общества. Такой факт явно противоречил марксистско-ленинской доктрине. Учитывая все это, ЦК партии предписывал государственным учреждениям применять к церковным общинам меры административного характера. Осенью 1958 года Совет министров СССР принимает постановление: «О монастырях в СССР» и «О повышении налогов на доходы епархиальных предприятий и монастырей». Так началось ужесточение условий существования церковных общин и финансовое их удушение. Началось закрытие монастырей и приходов. На очереди были Духовные школы. Это и показали вступительные экзамены осенью 1959 года.

В мае 1960 года Святейший Патриарх Алексей I получил прямое указание закрыть Киевскую, Саратовскую и Ставропольскую Семинарии. Что же касается Луцкой и Минской Семинарий, то к ним была применена тактика медленного удушения. С этой целью к ним применялись разного рода санкции, например, конфискация жилых помещений, изъятие транспортных средств, лишение лимитов на

энергоносители и т.п., не говоря уже о насилии, чинимом над лицами, желавшими поступить в Духовную Семинарию. Была отработана следующая «технология». На почте, по всей вероятности в Слониме, а, быть может, и в Жировицах, корреспонденцию, адресованную Семинарии, «потрошили» и таким образом устанавливали адреса лиц, которые собирались поступать в Семинарию. Заинтересованные инстанции такую информацию порой получали и из стен самой школы, о чем речь будет ниже. Как только соответствующие органы получали информацию о лицах, желающих поступить в Семинарию, на них устраивалась настоящая охота. Их в буквальном смысле отлавливали и военкоматы, и комсомольские активисты, и милиция. Разгул такого беззакония в течение нескольких лет (1961-1963 гг.) привел к тому, что никто из желающих поступить в Семинарию не смог пробиться сквозь этот заслон враждебных Церкви сил. Семинария оказалась заблокированной, осталась без учащихся и была закрыта. Сам факт ее закрытия был объявлен как успех атеистической пропаганды, обусловившей якобы рост сознания масс настолько, что Семинария самоликвидировалась в связи с тем, что среди молодежи не нашлось желающих учиться в Духовной школе.

Однако вернемся к тому времени, когда школа жила полнокровной жизнью и посмотрим, как проходила учеба, как был устроен быт воспитанников Семинарии, какова была атмосфера в стенах нашей школы. Следует для ясности повествования заметить, что я в МинДС поступил в 1953 году, а осенью 1954 года был призван со 2 класса в армию. Демобилизовавшись в 1957 году я возвратился в Семинарию и был снова зачислен во 2-й класс.

Начнем с того, что распорядок дня несколько отличался от нынешнего. Хотя подъем, как и теперь, начинался в семь часов утра, но на туалетные процедуры отводилось только тридцать минут, поэтому подъем проходил активно, бодро, по-

армейски. В 7.30 начиналась молитва, а потом завтрак, который обычно заканчивался за полчаса до начала занятий, и можно было еще раз просмотреть самый необходимый материал, а порой и вообще подготовить урок. Ежедневно было шесть уроков по 45 минут с перерывом на чай. После занятий—обед. Столовая располагалась на первом этаже по левую сторону от коридора, что в правом крыле Семинарского здания (ныне братский корпус). Кухня находилась в цокольном помещении, под столовой, и пищу подавали наверх подъемником. Следует заметить, что вход в столовую в неурочное время был запрещен. Учащиеся во время трапезы сидели по шесть человек за столом. Места были твердо определены каждому. Что следует сказать относительно питания? В 50-е годы продовольственный вопрос не стоял так остро, как в первые годы существования семинарии, когда за хлебом ходили в Слоним (общественного транспорта еще не было), и каждый привозил с собой из дому что мог и для личного пользования и для общего котла. Но в годы, когда я учился, положение существенно изменилось. Вот несколько позиций из обязательного рациона, полагавшегося на одного человека в день: 200 гр. мяса, в посту 300 гр. свежей рыбы или 170 гр. рыбных консервов (томатные консервы почти не употреблялись), 40 гр. масла, в посту 50 гр. меда (данные 1958/59 уч. г.), причем все это было не только на бумаге, но и в тарелках учащихся. Дитчикам готовили отдельно. Для большего впечатления добавлю, что в посту к чаю нам одно время подавали черную икру. Правда, некоторые семинаристы этот продукт считали несъедобным, дескать, пахнет болотом. Помню как Алексей Яковлевич Яблонский (наш инспектор), похаживая в столовой, пожимал плечами, удивленно приговаривая: «Ишь ты, икры не едят». В конечном итоге администрация изъяла икру из меню, к большому огорчению тех, кто вошел во вкус и охотно потреблял оставшиеся порции. В посту в столовой у дверей обычно стояла табуретка, на ней—противень, на противне—эмалированное ведро с рыбным жи-

ром, рядом — ковшик. Кто хотел, мог зачерпнуть и пить сколько угодно. При таком питании у воспитанников не было нужды ходить в столовую в неположенное время. Сказанное можно подтвердить показаниями систематических взвешиваний, которые проводились семинарским врачом несколько раз в году. В уцелевшем архиве Семинарии, как раз сохранились результаты этой процедуры за несколько лет. Оказывается, отдельные учащиеся за полугодие увеличивали вес на 10 килограмм. Особенно это было свойственно учащимся младших классов. Пища в семинарской столовой всегда была приготовлена качественно, или, говоря попросту, вкусно. Здесь надо вспомнить добрым словом старания Зинаиды Васильевны, которая возглавляла коллектив сотрудников столовой, а также заботы нашего эконома, отца Иоанна Хоружика, скромного самоотверженного труженика. Ни одна хозяйственная работа не совершалась без его личного участия или присутствия, он всегда сам ездил по базарам и магазинам, закупая все нужное, в том числе и продукты, которые всегда были свежие и качественные.

Во время обеда, как и положено в Духовной школе, читалось «Житие», при этом соблюдалась тишина, приличествующая моменту. Если кому требовалась соль, горчица и т.п., то он просил передать их взглядом или жестом. Порядок и дисциплина в Семинарии сложились не сразу, это был результат работы не одного года и не одного человека. В этом отношении много потрудился в свою бытность инспектором нынешний Митрополит Оренбургский Высокопреосвященнейший Леонтий (Бондарь). Это было еще до моего призыва в армию в 1954 году, тогда еще не было нового семинарского корпуса и мы питались в братской трапезной. Было тесно, душно... Вот кто-то за столом заговорил... Отец инспектор, а он неукоснительно присутствовал за трапезой, уже тут как тут: наклонившись над «нарушителем спокойствия», ничего не говоря, напряженно слушает минуту-другую, потом, как бы не доверяя одному уху, поворачивается

другим и опять слушает, наклонившись еще ниже. При этом нарушитель не то что говорить, даже жевать переставал.

В наше время также не разрешалось ходить в спальни до отбоя, да, кстати, они закрывались на ключ после уборки. Спальни открывали только перед отбоем. Спустя годы, считаю эту меру оправданной: вместо того, чтобы валяться на кровати, учащиеся шли прогуляться на свежем воздухе, что для людей, просидевших шесть часов в закрытом помещении и занятых умственным трудом, совершенно необходимо. Должен сказать, что мы нисколько не ощущали потребности спать днем. Кроме того, в спальне делать было нечего, так как в спальнях личные вещи не хранились, а находились в специальной кладовой. Вещами в наше время семинаристы вообще не обрастали. Послеобеденные прогулки были у нас своего рода неким ритуалом. Особой популярностью пользовалась дорога, что идет от Георгиевского храма к лесу и дальше вдоль опушки, обрамленной деревьями белой акции. В хорошую погоду наша братия группами по два-три человека, с интервалами метров так сто, двигалась по этой дороге. Затем, дойдя до места, где дорога углубляется в лес, головная группа разворачивалась и шла обратно, и так все последующие группы. На эти прогулки мы собирались по интересам, обсуждали личные, учебные, политические вопросы — главное — никаких лишних ушей, кругом поле, лес да ширь небес. В хорошую погоду весной и осенью учащиеся играли в волейбол, причем в этих играх принимали участие и преподаватели. Зимой часто ходили на лыжах. Одно время сильно увлекались хоккеем на монастырском пруду. На берегу пруда «поболеть» собирались не только учащиеся, но и преподаватели. Кое-кто из них также гонял с нами шайбу. Помню, как-то наш гомилает о.Максим, увлекшись, заехал на ту часть пруда, где бьют ключи. Лед там, естественно, тонкий. Незадачливый хоккеист поплатился за свою невнимательность: лед треснул и о.Максим погрузился в воду пруда. Но подоспевшие игроки тут же извлекли батюшку из по-

лыни при торжественном пении «Во Иордане...». Школа в наше время хорошо была обеспечена спортивным инвентарем: ботинками с лыжами и коньками, волейбольными комплектами. Индивидуальные занятия начинались в 17 часов и длились 3 часа 30 минут, то есть до ужина. К занятиям относились весьма серьезно, да и нагрузки были большие. Например, первый и второй классы писали по 7 сочинений в году, третий и четвертый—5 сочинений и одну проповедь. Учебный год делился на трети: первая треть заканчивалась 7 ноября, то есть ко дню Октябрьской революции. Вторая треть кончалась перед Новым годом, а последняя охватывала все время от Рождественских каникул до Страстной седмицы. Экзамены проводились по большинству предметов в строгой обстановке: учащиеся садились на стулья перед столом экзаменационной комиссии, в руках только вопросы билета на отдельном ярлычке. При подготовке ответа никаких записей не делали, только на экзаменах по языкам писали на доске то, что нужно было для ответа. На экзаменах, как и в году, практиковалась пятибалльная система. Поэтому осенние переэкзаменовки в наше время не были редкостью. Следует заметить, что переэкзаменовки проводились с не меньшей строгостью, чем экзамены. Для иллюстрации приведем несколько архивных выписок. В 1954/55 учебном году два человека держали повторные экзамены, один экзаменующийся получил неудовлетворительную оценку и был отчислен. В 1956/57 уч. г. переэкзаменовку держали пять человек, причем успешно. А вот в 1958/59 уч. г. переэкзаменовку имели десять человек, трое из них не выдержали повторный экзамен и были отчислены.

Во время самоподготовки в классах обычно царил тишина. У нас был обычай уважать соседа и не мешать ему работать. Если кому надо было о чем-то посоветоваться, то обычно выходили в коридор для разговора, причем, и в коридоре собеседники разговаривали в полголоса. Вообще в школе царил желание рабо-

тать: даже во время прогулок многие повторяли тексты или заучивали слова обязательного минимума по древним и новым языкам. Некоторые воспитанники, определившиеся уже на приходское служение, подбирали и переписывали нужный им материал по разным вопросам—ведь книга богословского содержания в наше время была дефицитом, А множительной техники не существовало. В семинарии, правда, имелось несколько пишущих машинок. Но они были зарегистрированы в органах, и все, что на них печаталось, подлежало строжайшему учету.

После ужина сразу же совершалась вечерняя молитва. На молитве каждый класс стоял отдельно рядами по три человека. Причем, у каждого раз и навсегда было определено место: если человек отсутствовал, его место никто не занимал и оно оставалось свободным, что делало обстановку прозрачной, как говорят теперь. Одно время на вечерние молитвы мы ходили в Никольский храм. Это были благодатные стояния в полумраке при свете лампад. После отпуска батюшка, благословлявший молитву, сходил с солеи и клал крест на аналой, нарочно для того поставленный. И все учащиеся один за одним, класс за классом подходили ко кресту при пении стихир «Иже крестом ограждаеми...», «Господи, оружие на диавола Крест Твой дал...» и другие. Воспоминание об этих вечерних молитвах одно из самых умиленных и радостных за время моего пребывания в Семинарии. Тогда я почувствовал сердцем то, что позже осознал: только через молитву, через богослужение мы едины во Христе. После молитвы до отбоя было личное время, которое использовалось по-разному: одни продолжали заниматься, другие в комнате отдыха читали газеты, играли в шашки, шахматы, даже в домино, правда, без традиционного стука костяшками по столу. Отход ко сну начинался в 23 часа, а в подвешенного был отбой, то есть хождения прекращались, все затихало и погружалось в сон.

Чтобы засвидетельствовать нашу политическую благонадежность, администрация школы подключала семинаристов к активному участию в разного рода общественных акциях: все семинаристы выписывали газеты (в советское время чтение газет было тестом на гражданскую сознательность), участвовали в «добровольном» страховании жизни, хотя отдать месячную стипендию было ощутимой потерей для многих, подписывались на государственный заем. В годовом отчете по этому поводу сказано, что «учащиеся с радостью подписали госзаем» (бедное наше священноначалие!). Нас охотно отпускали в местный клуб на киносеансы, особенно на фильмы патристического содержания. Когда надо было голосовать, семинария всегда первой приходила на избирательный пункт. В такие дни мы вставали в шесть часов и шли на избирательный пункт по темным улицам, когда в селении все еще спали. В Семинарии торжественно отмечали разного рода гражданские праздники: день Октябрьской революции, день Красной Армии, 1-ое Мая. В такие дни занятий не было. Учащиеся готовили концерты, состоявшие из пения патристических песен и чтения стихов такого же содержания.

Учащиеся в Семинарии в советское время находились постоянно под наблюдением спецорганов. Свою агентуру эти органы имели и в стенах школы. Это были те несчастные люди, которых чекисты, используя шантаж, угрозы или обещания, сумели завербовать для сбора информации о жизни школы. Бог им судья. Мы не будем здесь вспоминать их имена, хотя некоторые из них нам теперь известны. В конце 50-х годов усилилась атеистическая пропаганда. Особенно это было заметно в Жировицах: здесь в местном клубе часто проводились антирелигиозные лекции. Помню, однажды мы приняли решение подготовить очередному лектору вопросы позабористее. За несколько дней до приезда лектора все «заговорщики» усердно копались в книгах, подыскивая нужный для вопросов материал. К сожалению, я теперь не помню тех вопросов,

которые мы подготовили. Не думаю, что для серьезного лектора они представляли особую трудность. А на деле получилось следующее. После выступления докладчика было предложено задавать вопросы. Из зала начали посылать записки. Послали и мы свои. Лектор начал отвечать на некоторые вопросы, но до наших так и не дошел: в зале вдруг погас свет. Кто-то стал чиркать спичками, кто-то сказал, что пошли выяснять причину отключения электричества. Через несколько минут объявили, что света не будет и попросили расходиться. Выбираясь из темного зала, мы торжествовали, считая, что со светом было подстроено, ибо лектор не смог дать ответы на наши вопросы. Практиковался еще один более жесткий способ «обработки» учащихся. Технология его была такова: в Жировицкий сельский совет приезжали откуда-то «сверху» из Гродно, а может быть из Минска, представители из органов и комсомольских комитетов. Семинаристов вызывали к ним на собеседование. В ходе этих бесед обычно предлагали оставить семинарию, обещая или хорошую работу или зачисление в любое учебное заведение Белоруссии. Здесь, вероятно, проводилась вербовка доносчиков. Однажды подробно расспрашивали о том, каково мнение учащихся об атеистических публикациях, которыми в то время пестрела пресса. Насколько я помню, их приводило в недоумение наше безразличие к антирелигиозным пасквилям и так называемым «научным разоблачениям» религиозного мировоззрения, которыми также изобилвала пресса.

Наконец, необходимо уделить должное внимание и личному составу преподавательской корпорации МинДС. Приступаю к этой теме не без внутреннего трепета и смущения: первое чувство рождается из благодарности и почтения к трудам наставников наших, второе — из сознания своей немощи и трудности задачи. Действительно, обзреть эти труды во всей полноте, достойно оценить их, сохраняя беспристрастие, весьма сложно. Однако без освещения этой темы весь разговор об истории МинДС в советское время

будет и неполным и не совсем ясным. Итак, укрепляясь чувством долга перед памятью почивших и уповая на снисходительность к моим слабостям ныне здравствующих наших наставников, приступаю к этой ответственной части моих воспоминаний.

Прежде чем представить Вашему вниманию каждого члена преподавательской корпорации в отдельности, необходимо отметить, что она (корпорация) состояла из трех генераций, то есть трех групп, отличающихся и по возрасту, и по принадлежности к разным богословским учебным заведениям, из которых они вышли. Первое поколение составляли выпускники старых дореволюционных Духовных Академий, люди пожилые, прошедшие через ужасы Гражданской войны, пережившие годы воинствующего атеизма, преследования и репрессий. Вторую генерацию представляли выпускники богословского факультета Варшавского университета (ВУ) 30-х годов. Они также немало испытали на своем веку. Наконец, в третью группу входили молодые выпускники возрожденных в советское время Духовных Академий.

Первым в числе лиц, получивших богословское образование до революции, несомненно, должен быть назван протоиерей Иоанн Сокаль, хотя в Жировицы он прибыл после шести лет существования Семинарии. Воспитанник Холмской Духовной Семинарии, он закончил Киевскую Духовную Академию 1910 года со степенью кандидата богословия, защитив работу на тему: «Западнорусские полемические сочинения против протестантизма в XVI-XVII веках (до 1640-х гг.)». В отчете о состоянии КДА за 1909-1910 учебный год говорится, что из 51 кандидатского сочинения этого года восемь сочинений были оценены баллом «пять». В числе этих сочинений значится и сочинение Иоанна Соколя (см. ТДКА за 1910 г. Т.3. С.496). Отец Иоанн еще до революции начал работу в системе духовного образования: с 1910-1919 гг. работал в Курской Духовной Семинарии сначала по-

мощником инспектора, а затем инспектором. В Гражданскую войну эмигрировал в Югославию, где в течение десяти лет (1921-1931 гг.) был инспектором Духовной Семинарии в Сремских Карловцах. Во время второй Мировой войны поддерживал движение сопротивления против фашистской Германии, а его сын Анатолий, как врач, лично участвовал в этом движении. Это дало возможность семейству Соколя в 1950 году спокойно возвратиться на родину. Еще до возвращения, отец Иоанн участвовал в Московском совещании глав и представителей Православных Автокефальных Церквей в 1948 году. После возвращения в СССР, отец Иоанн защитил магистерскую диссертацию в Ленинградской Духовной Академии и был назначен ректором Саратовской Духовной Семинарии, а в 1953 году переведен к нам на эту же должность. Это был глубокий знаток Священного Писания Нового Завета и замечательный проповедник. Его проповеди, в большинстве своем, представляли катехизаторские беседы, глубокие по содержанию и ясные по изложению. Отец Иоанн имел обыкновение в конце учебного года лично проводить учащихся на каникулы, посещая все классы поочередно. Во время таких встреч он обращался к отъезжающим семинаристам со словом напутствия и назидания. Потом мы все по очереди подходили к нему под благословение, при этом отец Ректор уже каждому лично давал советы или наставления, говорил слова поощрения или делал замечания. Отцу Иоанну принадлежала инициатива строительства нового учебного корпуса. Эту идею горячо поддержал архиепископ Минский и Белорусский Питирим (будущий митрополит), а в Москве — протопресвитер Николай Колчицкий, управляющий делами МП, а также Учебный комитет МП. Эти общие усилия увенчались успехом: Москва дала разрешение на строительство нового учебного корпуса МинДС. Стройка началась весной 1954 года. Проект был составлен по личным эскизам отца Иоанна. Однако местные власти пытались сорвать строительство: аннулировались заявки на стройматериала-

лы, не выделялись специалисты и мастера. В конце концов, отец Иоанн был переведен в Одессу, может быть из расчета, что строительство без своего инициатора и энтузиаста не будет доведено до конца. Отец Иоанн Сокаль закончил свой жизненный путь епископом на Смоленской кафедре.

Питомцем Киевской Духовной Академии был также протоиерей Василий Волотовский. Воспитанник Могилевской Духовной Семинарии, которую он окончил в 1899 году, отец Василий сначала подвизался на приходском служении, затем поступил в Киевскую Духовную Академию, которая была закрыта большевиками в 1919 году, когда отец Василий находился на четвертом курсе. Кандидатское сочинение он защитил уже в Москве в 1949 году, будучи 70-ти лет от роду. Это был широко образованный преподаватель, владел немецким языком, был знаком с греческим и латынью, очень добрый и приветливый старец, большой любитель природы: до самых заморозков бегал с удочкой по всем окрестным водоемам, но не столько ради улова, а, как он сам говорил, ради уединения. За время пребывания в МинДС ему довелось преподавать разные дисциплины: основное богословие, сравнительное богословие, гомилетику, древние языки. Последние годы жизни отца Василия были полны скорби — батюшку постигла личная трагедия: его сын Евгений Волотовский был отчислен из преподавателей Одесской Семинарии за несоответствие. Однако, по просьбе отца Василия и из уважения к нему, архимандрит Антоний, Ректор МинДС, взял Евгения Волотовского на работу. Однако Евгений Васильевич оказался ренегатом и отступником: он информировал советские органы о внутренней жизни школы, печатал под псевдонимом в местной прессе пасквилы на своего благодетеля, отца Ректора, и в целом на духовную школу. После закрытия Семинарии Евгений Волотовский перешел в здешний сельхозтехникум, где преподавал «Историю атеизма и религий». В последние годы работы в МинДС о.Василий уже не мог преподавать древ-

ние языки (сам путался в спряжениях и склонениях). Однако, архимандрит Антоний и здесь проявил свое благородство: он не оставил старого человека без моральной поддержки и куска хлеба, поручив о.Василию преподавать гомилетику.

Дореволюционную Санкт-Петербургскую Духовную Академию у нас представляли братья Котовы, Дмитрий Федорович и Петр Федорович (второй, младший, был в сане иерея). Оба одесситы. Они заканчивали в свое время местную Семинарию, а затем Санкт-Петербургскую Академию в 1913 и 1914 году соответственно. Оба кандидаты богословия. Дмитрий Федорович защитил у экстраординарного профессора Зарина С.М. сочинение на тему: «Отношение пастыря к общественно-политической жизни с принципиально-богословской и церковно-исторической точек зрения». Дмитрий Федорович одновременно с учебой в Академии прослушал курс историко-археологического института. После выхода из Академии он работал в Псковской и Иркутской Семинариях до закрытия последней в 1919 году. Отец Петр Котов в годы моего пребывания в МинДС уже не преподавал, а работал библиотекарем, да и то недолго: по состоянию здоровья он оставил Семинарию в 1954 году и скоро умер, кажется, в Одессе. Отец Петр в СПбДА учился на одном курсе с Борисом Ярушевичем, будущим митрополитом Николаем Крутицким. Петр Котов защитил кандидатское сочинение на тему: «Архиепископ Херсонский Иннокентий и его участие в деле духовного возрождения болгарского народа», заслуженный проф. Пальмов И.С. в своей рецензии отметил «способность автора к научно-литературным занятиям» (см. «Христианское чтение», 1996. Приложение, журналы совета за 1913-1914 гг. С.487). Имеются сведения, что о.Петр в 30-х годах отбывал заключение в лагерях Сибири в течение 10 лет. Дмитрий Федорович был более крепок и бодр, чем его младший брат. Это был человек обширных основательных знаний. Он преподавал катехизис и догматическое богословие. На занятия Дмитрий Федорович

приходил безо всяких записей и конспектов: он не только знал наизусть тексты Священного Писания, но и точно помнил, откуда каждый из них взят. Жизнь его оборвалась трагически: летом 1958 года его сбила грузовая машина как раз на том месте, где сейчас ворота для въезда на территорию монастырского двора. Поразительно, но характерно для того времени, поведение шофера, совершившего наезд. На суде он заявил: «Да их всех вообще надо бы передавить», — видимо этой репликой он надеялся снискать симпатии партийцев-судей. Похоронен Дмитрий Федорович на Жировицком кладбище.

В течение пяти лет (с 1947 по 1952 гг.) в МинДС преподавал нравственное и догматическое богословия воспитанник Рязанской Духовной Семинарии Надеждин Алексей Петрович, выпускник Казанской Духовной Академии 1915 года. Он защитил у проф. С.А.Предтеченского кандидатское сочинение на тему: «Свв. Кирилл и Мефодий (славянские первоучители), как литургические деятели». Он тоже успел несколько лет поработать в дореволюционных духовных школах. Я его уже не застал в живых: Алексей Петрович скончался летом 1952 года и был погребен на Жировицком кладбище. Протоиерей Борис Шишко, в адресованном мне письме, характеризует Надеждина как «высокоинтеллектуального и культурного преподавателя».

К числу преподавателей МинДС, получивших образование до революции, относился и Михаил Петрович Свиридов, родной брат Митрополита Питирима. Он закончил в 1916 году педагогический институт, а специального богословского образования не имел. В МинДС Михаил Петрович работал бухгалтером и одновременно преподавал русский и церковно-славянский языки. Это был очень добрый чувствительный человек, способный умиляться до слез. У семинаристов о нем оставалась самая светлая память, но члены преподавательской корпорации сетовали на то, что иногда Михаил Петрович пытался через своего брата корректировать реше-

ния Совета. Поступки такого рода обычно инициировались супругой Михаила Петровича Клавдией Николаевной, женщиной честолюбивой и властной. К слову сказать, эти демарши в основном успеха не имели, так как Владыка Митрополит знал их подоплеку и поддерживал линию семинарской администрации.

Невозможно обойти молчанием Цебрикова Михаила Яковлевича. Он не имел высшего богословского образования, так как окончил только Виленскую Духовную Семинарию в 1894 году и сразу же приступил к работе в Жировицком Духовном училище. В 1919 году Михаил Яковлевич сдал экстерном экзамены за учительский институт. Ему довелось работать в Жировицах в то время, когда здесь подвизался Петр Полянский, будущий Митрополит, Патриарший местоблюститель, священномученик. Михаил Яковлевич был знаком и с Епископом Ермогеном (Долгановым), жертвой интриг Григория Распутина. Владыка в 1913-1914 гг. находился в Жировицком монастыре в ссылке. Есть сведения, что архимандрит Антоний (Мельников) сделал записи об этих выдающихся деятелях РПЦ со слов Михаила Яковлевича, но где эти записки, какова их судьба, мне точно не известно. Однако вернемся к Михаилу Яковлевичу. В семинарии он работал с 1948 по 1953 гг., преподавал русский и церковнославянский языки. Мне не пришлось учиться у него, поскольку во время моего пребывания в Семинарии Михаил Яковлевич был уже на пенсии. Однако мы довольно часто встречались и мне он запомнился, как ярко выраженный человек иного века. Несмотря на преклонный возраст, лицо его всегда сохраняло приятную свежесть, свойственную обычно людям духовной жизни. В его облике отражалась особая умиротворенность, ничем невозмутимый покой. Внутренний порядок мыслей и чувств отражались и на его внешности: надо было видеть, ибо описать это трудно, его манеру держаться и двигаться, умение носить с таким достоинством старенькое потертое, купленное, видимо, еще до войны, пальто, что убожество этого

одеяния не замечалась, ибо достоинство владельца передавалось и его вещи. Подать ему была и супруга его Софья Титовна. В мое время она еще порой музицировала на рояле. Эта супружеская чета была истинной достопримечательностью веси Жировицкой.

Я счел уместным вспомнить наших учителей поименно не только из чувства долга и признательности, не только потому, что это были яркие замечательные личности, но также и с намерением показать из каких источников они черпали богословские знания, с которыми пришли к нам. Только что были упомянуты Одесская, Холмская, Виленская, Могилевская, Рязанская Семинарии, в которых когда-то начинали путь своего богословского образования будущие преподаватели МинДС. Этот путь для одних в дальнейшем шел через Духовную Академию Санкт-Петербурга, для других — через Киевскую и Казанскую. Достоинство и сила богословской мысли этих Академий в начале XX века определялась трудами таких выдающихся богословов как Болотов В.В., Глубоковский Н.Н., Бронзов А.А., Зарин С.М. — в Санкт-Петербургской Академии; Несмелов В.И., Юнгеров П.А., Знаменский М.Н., Бердников С.М. — в Казанской Академии; Завитневич В.З., Скабалланович М.Н., Дмитриевский А.А., Певницкий В.Ф. — в Киевской. Имена эти не просто история, их авторитет не померк с годами, значение их трудов сохраняется до сих пор.

Однако основную силу нашей школы составляли питомцы Виленской Духовной Семинарии. Возвращенные в стенах Свято-Духова монастыря, этой древней твердыне Православия, получившие высшее богословское образование на факультете теологии Варшавского университета (ВУ), они представляли группу прекрасно подготовленных православных богословов. На указанном факультете работали такие замечательные профессора, как историк М.В.Зызыкин, видный русский мыслитель Н.С.Арсеньев и дру-

гие представители дореволюционной науки, оказавшиеся в эмиграции.

В числе «варшавян», работавших в МинДС, первым следует вспомнить первого ректора возрожденной семинарии, архимандрита Митрофана (Гутовского). Свою деятельность в Жировицах он начал в 1945 году как руководитель Пастырско-богословских курсов и наместник монастыря. Архимандрит Митрофан окончил Вольскую Духовную Семинарию еще до революции. Затем со степенью магистра богословия в 1930 году закончил факультет теологии ВУ. По свидетельству преподавателей, работавших под его началом (протопресвитер В. Боровой, протоиерей В.Шишко), это был не только хороший преподаватель, но и уважающий принципы корпоративности ректор: на Педагогических советах он внимательно и терпеливо выслушивал мнение всех своих подчиненных, и, учитывая их, принимал окончательное решение. Он был прекрасным организатором и хозяйственником. При нем в тяжелое время первых послевоенных лет был построен одноэтажный учебный корпус, что около Явленского храма в монастырском саду. Хозяйственные навыки отец Митрофан приобрел еще в 30-е годы, до войны, проходя послушание эконома Почаевской лавры, а затем наместника Яблочинского монастыря. Отец Митрофан умел «ладить» с местными властями. Это тоже был опыт прошлых лет: ведь в Польше 30-х годов православным приходилось бороться за свое выживание в условиях католического и националистического прессинга. С уходом отца Митрофана на Бобруйскую кафедру в 1953 году наша Семинария лишилась благоволения со стороны Райвоенкомата, где у него были личные связи, используя которые он добивался отсрочек для призывников. С приходом на ректорскую должность о. Иоанна Сокаля, не имевшего таких связей, семинаристов стали систематически призывать в армию.

Вторым из числа бывших студентов теологии ВУ следует назвать ныне здравствующего протопресвитера Виталия Борового, профессора, доктора богословия. Он при-

был в Жировицы одновременно с архимандритом Митрофаном организовывать пастырские курсы, а затем они вместе создали семинарию, в которой о. Виталий работал некоторое время инспектором, а затем секретарем Совета. В 1936 году отец Виталий блестяще окончил Виленскую Духовную Семинарию. При оглашении разрядного списка выпускников ректор Семинарии протоиерей Михаил Тучемский сказал тогда о Боровом то, что было когда-то сказано в подобной ситуации о Василии Васильевиче Болотове. А тогда было сказано, что в начале списка надо поставить фамилию Болотова, затем подвести черту и лишь тогда начинать разрядный список выпускников. В связи с началом второй Мировой войны о. Виталий не успел закончить теологию ВУ (окончил только 3 курса), поэтому продолжал обучение заочно в Ленинградской Духовной Академии. Эта учеба сослужила плохую службу для МинДС: в Ленинграде отца Виталия сразу же «заметили» и затребовали его в 1956 году в Ленинградскую Академию. Однако деятельность о. Виталия в МинДС была ощутима до последних дней ее существования—это и составленные им конспекты по истории древней Церкви, и основной фонд библиотеки, им собранный, и отлично налаженная канцелярская служба. К сожалению, с уходом отца Виталия прекратилась традиция чтения актовых речей на выпускных торжествах.

Много сил отдал нашей школе ныне здравствующий, старший по хиротонии Митрополит Оренбургский и Бузулукский Леонтий (Бондарь)*. В Жировицы он прибыл в 1946 году, еще будучи игуменом и трудился здесь до своей хиротонии во епископа Бобруйского (1956г.). Он занимал должность инспектора, преподавал Священное Писание Ветхого Завета и составил пособие по этому предмету для всех классов Семинарии. В те годы это был еще молодой, энергичный человек со здоровым чувством юмора: однажды некий «проказник» прибил гвоздями к полу в раздевалке галоши отца инспектора, а он воспри-

нял это как шутку и оставил «дело» без последствий. Отец Леонтий имел обычное во время экзаменов посещение классы, обращая внимание не только на знания учащихся, но при этом как бы инспектируя и саму работу экзаменационной комиссии. Такие посещения держали всех в напряжении, и если о. Леонтий в силу каких-либо причин не появлялся на экзаменах, это вызывало всеобщее облегчение. Был случай, когда его отсутствие на экзаменах было спровоцировано учащимися. Однажды о. Леонтия закрыли в келье, когда он по безопасности оставил ключ в замочной скважине снаружи, и злоумышленнику оставалось только повернуть его. В другой раз сыграли с ним более жесткую шутку. Кто-то выслал отцу Леонтию телеграмму, известящую его о болезни матери (родители о. Леонтия проживали в с. Ястребли, около Баранович, где Бондарь-старший, отец Фаддей, был настоятелем местного храма). Дальше пишу со слов шофера, возившего тогда о. Инспектора в Ястребли. Едва машина подкатила к крыльцу родительского дома, как из дверей выбежала мать о. Леонтия с радостным возгласом: «Ленечка приехал! Что случилось?» Приехавшему все стало ясно. Вбежав на крыльцо, о. Леонтий поцеловал мать, затем развернулся и, крикнув на ходу—«привет папе», вскочил в машину и велел шоферу ехать в Жировицы. Но ко времени его возвращения экзамены уже закончились. Однако и на этот раз о. Леонтий ответил незлобием и прощением, оставив инцидент без последствий. Быть может он полагал, что таким образом скорее вызовет раскаяние у тех, кто поступил дурно, чем достигнет этого путем расследований и наказаний? А быть может он молился за своих обидчиков? Отец Леонтий пользовался большой любовью и популярностью среди учащихся, и только ощущение его доброты и незлобия позволяло некоторым воспитанникам совершать «шутки» подобного рода. Отец Леонтий, будучи инспектором, ввел режим закрытых спален, как средство, побуждающее учащихся по возможности больше пребывать в движении на свежем возду-

*Скончался в 1999 г.

хе. Затем, учитывая натянутые отношения между семинаристами и учащимися местного сельхозтехникума, инспекция попыталась ограничить прогулки семинаристов территорией монастырского сада. Здесь, видимо, учитывалась и традиция дореволюционных духовных школ. Например, в Казанской Духовной Академии выход за пределы школы, то есть в город, разрешался только по индивидуальному благословению. Все свободное время студенты проводили на академической территории. Администрация нашей семинарии рекомендовала учащимся выходить за пределы монастыря лишь на короткое время, чтобы зайти в магазин, амбулаторию или на почту. У монастырских ворот стал бодрствовать дежурный помощник инспектора, записывая время исхода и возвращения каждого учащегося в отдельности. В ответ на это семинаристы стали двигаться в челночном режиме: вышел—через 15 минут вернулся, а затем снова вышел и опять вернулся. Этой карусели инспекция не выдержала, и запрет на выход за пределы семинарии был отменен. Окрыленные успехом семинаристы предприняли попытку прорваться в закрытые спальни, устраивая послеобеденные сьесты в классах. При этом одни укладывались на столах, другие на полу, однако инспекция отстояла спальни. Но вернемся к личности отца Леонтия. Обладая прекрасным басом, он любил петь в церковном хоре и, при возможности, солировать. Богослужение он совершал истово, возгласы произносил громогласно, также громогласно читал лекции. При этом отец Леонтий не увлекался красноречием и многословием, фразы строил ясные, четкие, причем старался основные мысли повторять по несколько раз, как бы вколачивая их в наши головы, видимо понимая, что нам, бывшим советским школьникам, лексикон семинарских наук непривычен. До сих пор у меня в памяти держится фраза с первого урока по Ветхому Завету, когда отец Леонтий излагал нам начала исагогики. Она звучала так: «ученый монах IV века Адриан написал труд «исагоги ис тас фиас графас». Много лет спустя, встречаясь с Владыкой Леонтием у Троицы (надо отметить, что

Владыка Митрополит ревностный почитатель аввы Сергия и ежегодно в дни памяти Преподобного посещает его Лавру), так вот, встречаясь в Владыкой, я иногда вместо приветствия произношу эту фразу, от чего Владыка всегда приходит в веселое настроение и начинает расспрашивать о судьбах выпускников МинДС, причем обнаруживается его великолепная память: спустя годы, он помнит не только фамилии учащихся, но многих величает по имени-отчеству. В свое время Владыка Леонтий окончил теологию ВУ со степенью магистра богословия, владеет немецким и древнееврейским языками, но он так и остался в советское время невостребованным для большого богословия, определенный на периферийную кафедру.

Более десяти лет преподавал в МинДС протоиерей Борис Шишко, выпускник теологии ВУ, магистр богословия (защитил диссертацию на тему: «Профессор А. И. Дмитриевский и его литургическая деятельность»). Отец Борис в январе нынешнего года отметил свое 90-летие*. Два года назад, будучи 88 лет от роду, отец Борис еще преподавал Священное Писание Нового Завета в Одесской Семинарии, хотя уже неоднократно просился на покой, и лишь по личным просьбам Владыки Агафангела, Митрополита Одесского, оставался в школе как живой свидетель более чем полувековой истории нашей Церкви. В Жировицы отец Борис прибыл с приходом в 1950 году. В Семинарии в разные годы преподавал разные предметы, в том числе Библейскую историю, Практическое руководство для пастырей, Литургику, Нравственное богословие. По всем этим предметам он составил пособия для всех классов Семинарии. Много сделал о. Борис для семинарской библиотеки, которой заведовал почти десять лет. Кроме того, отец Борис—талантливый регент и несколько лет управлял смешанным соборным хором, состоявшим из семинаристов и местных жителей, потомственных певчих при монастыре. К тому

---

*Скончался 24 февраля 1999 г.

же сам отец Борис обладал прекрасным тенором, мягкого лирического звучания и при возможности исполнял сольные партии или же пел в дуэтах и трио, доставляя молящимся духовную радость и утешение.

Выпускником теологии ВУ был также Алексей Яковлевич Яблонский. Он не был магистром, так как защитить диссертацию ему помешала война. В Жировицы Яблонский прибыл в 1947 году с 20-ю воспитанниками упраздненной Виленской Духовной Семинарии, где он был инспектором. Алексей Яковлевич преподавал Церковный устав и Литургику. К делу своему относился с особым усердием и ответственностью: ежедневно сам проверял готовность к богослужению очередной группы (чреды), несшей клиросное послушание. При этом он прослушивал чтецов и, в случае плохого чтения, отстранял их, проверял правильно ли уставщик составил последование службы. После поставления отца Леонтия во епископа, Яблонский был назначен инспектором Семинарии. Следуя старой традиции, он взял «инспекторскую» дисциплину—Священное Писание Ветхого Завета. Однако Алексей Яковлевич на этом поприще нам, учащимся, особенно не запомнился. Гораздо большие впечатления он производил как инспектор Семинарии. На этой должности Алексей Яковлевич подвизался исключительно ревностно и успешно, проявляя постоянную заботу о быте учащихся и поддержании дисциплины и порядка. Относительно дисциплины в нашей школе я не буду распространяться в общих фразах, а приведу лишь один конкретный пример, имеющий отношение к данному предмету. В Великом посту, а это было в 1959 году, у меня обострилась гипотония. Отец Ректор вручил мне трехчетвертную бутылку коньяку и велел принимать по две-три чайные ложки во время чаепития. Эту бутылку я поставил в столовой на подоконнике рядом со столом, за которым сидел. Я ее никуда и никогда не уносил и не прятал. Так она и простояла на подоконнике до тех пор, пока я не употребил весь коньяк, добавляя его к чаю. Алексей Яковлевич целый день был

рядом с нами: молился со всеми вместе утром и вечером, присутствовал в столовой, наблюдая за раздачей пищи и умением воспитанников держаться за столом. В семинарии продолжала сохраняться введенная им практика ежедневных проверок богослужебных чред на готовность нести клиросное послушание. Обязанности проверяющих возлагались на преподавателей Церковнославянского языка и Литургики. Как человек Алексей Яковлевич отличался интеллектуальностью, был остроумен, обладал музыкальными способностями—играл на скрипке и пианино. Алексей Яковлевич прилагал все усилия для сохранения Семинарии: вместе с В. В. Радугиным возил в учебный комитет документы лиц, желавших поступить в МинДС в 1963 году. Тогда заявление подали 30 человек. Собрать эти документы удалось в обход рогаток, поставленных советскими властями. Как известно, Патриархия была бессильна чем-либо помочь, и просители уехали из Москвы ни с чем. Алексей Яковлевич был готов на самый решительный протест против насилия, чинимого над Семинарией. На этой почве у него возник конфликт с архимандритом Антонием, который принял новое назначение в Одессу и уехал из Жировиц. Только под воздействием прямых угроз со стороны властей Яблонский последним оставил семинарский корпус, выплатив последнее жалование последнему вахтеру—Константиновой Ольге Митрофановне. В дальнейшем Алексей Яковлевич проживал в Вильнюсе, где и умер в день своего рождения, отстояв литургию в Свято-Духовном монастыре и причастившись Святых Христовых Таин.

Наконец, следует рассказать о Дмитрие Петровиче Огицком. Окончив Виленскую Духовную Семинарию, он продолжал учебу в Варшавской теологии, откуда со степенью магистра возвратился в Виленскую Семинарию в 1936 году, где был принят в число преподавателей. Находясь в Виленской Семинарии, Дмитрий Петрович посещал Виленский университет, где изучал древнегреческий язык. В Жировицы Огицкий прибыл из Виленской Семина-

рии вместе с Яблонским. Но, пробыв здесь около двух лет, вынужден был оставить Семинарию по не вполне ясным причинам: однажды он был вызван в сельский совет для собеседования, после чего в тот же день без объяснений уехал, как говорится, в неизвестном направлении. Видимо на него был сделан какой-то донос и последовали соответствующие оргвыводы. Лишь через год Огицкий объявился в Ставропольской Духовной Семинарии, где со временем стал инспектором. Реабилитироваться ему, как свидетельствует протопрефектор В. Боровой, помог личный секретарь и келейник Святейшего Патриарха Алексия I Данила Андреевич Остапов. Во время войны Остапов оказался на территории оккупированной Литвы. Тогда-то Остапов и Огицкий познакомились, при этом последний оказал значительные услуги Даниле Андреевичу. Их характер, к сожалению, мне неизвестен, однако известно, что Данила Андреевич Остапов воздал добром за добро, когда Огицкий оказался в беде. После закрытия в 1961 году Ставропольской Семинарии Дмитрий Петрович оказался в Жировицах вторично, а после закрытия этой семинарии с 1964 года стал работать в Московских Духовных Школах, где защитил магистерскую диссертацию (тема: «Римско-Католическая Церковь»), стал профессором и заведующим аспирантурой. Еще находясь в Ставрополе, Огицкий подавал для получения магистерской степени учебник греческого языка для семинарий, но работа к защите не была принята. Мне довелось держать в руках рукопись этого учебника, которая хранится в настоящее время у Мацаевой Веры Петровны, унаследовавшей скромное имущество профессора. После ухода на пенсию профессор Огицкий проживал в Щучине, в доме своего отца, который был настоятелем местного храма. Здесь он и умер осенью 1996 года. Похоронен Дмитрий Петрович около Щучинского храма, рядом с могилой родителей. Следует заметить, что Петр и Ольга Огицкие сочетались браком по благословению святого праведного Иоанна Кронштадтского, когда Петр Огицкий учился в Санкт-Петербургской Духовной Академии.

Обратимся, наконец, к третьей генерации преподавателей МинДС, то есть к тем, кто получил высшее богословское образование в возрожденных Духовных Академиях советского времени. Из числа этих лиц прежде всего, безусловно, следует упомянуть ныне уже почившего митрополита Ленинградского и Новгородского Антония (Мельникова). Владыка Антоний прибыл в Жировицы в 1956 году в сане архимандрита из Саратовской Семинарии, где был ректором. В МинДС он был переведен на ту же должность и стал таким образом третьим и последним ректором нашей Семинарии во время ее первого возрождения. Выпускник Московской Духовной Академии, кандидат богословия, он уже тогда разносторонностью и уровнем своих знаний намного превосходил некоторых докторов, которых мне потом приходилось встречать. Это был человек, который никогда не разлучался с книгой. Русскую историю и литературу он знал на профессиональном уровне, серьезно интересовался медициной, хорошо знал флору, особенно лекарственные растения, очень любил цветы и не терпел в храме бумажной бутафории, их заменяющей. Большой ценитель музыки и живописи, знаток фарфора, он был увлеченным коллекционером. Однако все эти, казалось бы, посторонние занятия нисколько не мешали ему оставаться человеком глубокой духовной жизни, постником и молитвенником. Отец Антоний любил храм, и не смотря на занятость, посещал даже рядовые службы. В летнее время он любил служить воскресные полунощницы в Явленском храме. Если позволяла погода, служба совершалась на улице: молящиеся, певцы и сам отец Антоний стояли перед открытыми дверьми храма под кроной старой липы, что растет напротив. И сейчас, много лет спустя, мне помнится темный сад, огоньки свечей и проникновенный голос отца Антония: «Пресвятая Богородице, помогай нам». Преподавал отец Ректор Священное Писание Нового Завета. От нас, прежде всего, требовалось постоянно читать текст Священного Писания и усваивать его содержание, а потом уже обращаться к разного рода посо-

биям и толкованиям. Из уроков отца Ректора особенно запомнилась его манера пояснять Евангельские рассказы показом иллюстраций, сюжеты которых отражают историю Святой Земли, ее святыни, археологические раскопки и просто виды памятных мест. Для этих целей он использовал альбомы и открытки из богатого личного собрания. Отец Ректор имел обычай во время прогулок в саду или сидя у монастырского пруда вести беседы с воспитанниками об истории, литературе, отечественных богословах. При этом он никогда не журил нас за нашу серость, а говорил о том, что ему нравится у того или иного писателя, чем примечательна та или иная книга, тем самым ненавязчиво подсказывал нам, что следует прочесть, на что обращать внимание, но никогда не делала это в форме императива.

Недавно мне довелось услышать в здешней среде нелепые разговоры о конфликте между отцом Антонием и Владыкой Гермогеном (Голубевым), даже о недоброжелательном отношении отца Ректора к Владыке. Эти слухи порождены, на мой взгляд, с одной стороны, неправильным пониманием той ситуации, которая складывалась в стенах монастыря в то время, с другой, невоздержанием языка и дерзкой манерой самонадеянного ума судить о вещах ему неизвестных. А дело в том, что власти пристально следили за Владыкой Гермогеном, который в монастыре яко бы находился на покое, а, по сути дела, это было содержание неугодного властям архиерея под надзором. Местному священноначалию, и, прежде всего отцу Антонию, было рекомендовано ограничить контакты Владыки с внешним миром. Нарушение таких «рекомендаций» было чревато последствиями. Естественно, что отец Ректор вынужден был выполнять эти указания, дабы оградить школу от новых нападков со стороны властей.

В числе преподавателей, получивших богословское образование в советское время, одним из первых к нам прибыл выпускник Ленинградской Духовной Академии Николай Филиппович Мисюк. Это было в

1953 году. Николай Филиппович преподавал Конституцию СССР (был такой предмет), историю раскола (и такое было!), историю Русской Православной Церкви, Нравственное богословие. Несколько лет он исполнял обязанности Секретаря Совета. Ему было уже далеко за пятьдесят (род. 1897г.). Светское образование он получил еще до революции и работал при Польше в налоговом ведомстве. Эта работа, видимо, в какой-то мере наложила свой отпечаток на его характер: он был чрезвычайно точен, аккуратен и принципиален. Преподавателей такого типа раньше называли педантами. Материал он излагал буквально по тексту учебника, как говорить, без запинки. От нас требовал подобных ответов. Мы всегда удивлялись и его прекрасной памяти, и его начетничеству. Только со временем мы поняли, что такая манера преподавания имела свои причины: запуганный слежкой и надзором со стороны властей Николай Филиппович строго держался апробированного текста учебника, ни на йоту не отступая от него. У Николая Филипповича было сильно развито чувство долга. В 1959 году он тяжело заболел. Уезжая домой в Гродно, собственно говоря, умирать, Николай Филиппович не забыл, что некоторые учащиеся по его предметам не аттестованы за текущую треть и настоял на том, чтобы посетить классы и довести дело до конца. В семинарию его привели тогда под руки, таким же образом переводили из класса в класс. Невзирая на слабость и боли, он старался, как всегда, оставаться внимательным и объективным при опросе.

Осенью 1954 года из Москвы прибыли два молодых человека — Радугин Валентин Васильевич и Сахненко Алексей Савельевич, только что «состоявшиеся» кандидаты богословия. Их приход был началом интенсивного пополнения преподавательского состава молодыми кадрами. В конце 50-х годов из Московской Академии к нам прибыли игумен Афанасий (Кудюк), иеромонах Иоанн (Снычев), Петр Михайлович Кирпичанский, отец Леонид Философов, из Ленинградской Духовной Академии — игумен Максим (Кроха). В 1960 году, то есть

за три года до закрытия семинарии, в Жировицы прибыли еще три выпускника МДА—Дьяков Владимир Митрофанович, Голенко Григорий Филиппович и Кондратенко Владимир Васильевич. Дьяков был неплохим художником-пейзажистом: некоторые его картины с видами Жировиц до сих пор висят в покоях Владыки Митрополита. И Радугин и Сахненко оказались прекрасными преподавателями. Правда Алексею Савельевичу, хотя он и был превосходным рассказчиком, «не повезло» с предметом, он вел сектоведение, предмет совершенно не актуальный в то время, тем более, что мы изучали прошлое—хлысты, молокане, панишкковцы, дырники—все это скорее забавно, чем актуально. Особенной симпатией семинаристов пользовались Валентин Васильевич и Петр Михайлович. Они уделяли нам много своего личного времени. Радугин, заядлый рыбак и непоседа, брал нас с собой, по благословению отца Ректора, даже на ночные рыбалки, участвовал в наших спортивных играх. Валентин Васильевич вместе с Яблонским и Дьяковым больше всех «продержался» в агонизирующей семинарии. Всем троим пришлось при этом претерпеть немало унижений и прямых угроз. Вот один из эпизодов рассказанных Радугиным. Както летом 1963 года он получил посылку от родных из Москвы. На почте, куда он пришел за посылкой, его ждали представители милиции (читай КГБ), которые потребовали в их присутствии вскрыть посылку. Получив отказ, они бесцеремонно сорвали крышку ящика и вывернули на стол содержимое. Перекопав и перемешав вяленые маслины с печеньем, конфетами и другими продуктами, они сгребли все в посылочный ящик и безо всяких извинений и объяснений вернули его адресату. Но, как говорится, это только цветочки: в Слонимском райисполкоме, председателем которого был в то время некий Кобяк, им прямо угрожали арестом и тюремным заключением. Только под воздействием этих угроз Яблонский и Дьяков уехали из Жировиц, а Радугин остался, так как на него были возложены обязанности библиотекаря и бухгалтера. Наконец из Москвы прибыли машины, которые вывезли библиоте-

ку. Но и после этого Радугин не уехал из Жировиц, так как в бухгалтерии на балансе числилась семинарская недвижимость—два здания. Когда светские власти вознамерились забрать эти здания, Радугин предложил игуменьи Гаврииле (Рысицкой), настоятельнице Гродненского Рождество-Богородичного монастыря, перевести в новое семинарское здание ее монахинь, которые после закрытия Гродненской обители 1959 года ютились в старом братском корпусе Жировицкого монастыря. Посвятив в этот тайный замысел о. Евфимия (Байдакова), эконома Жировицкой обители, они в одну ночь совершили переход монахинь со всем скарбом в пустующее семинарское здание, разрушив таким образом намерение властей экспроприировать церковное имущество. После этого Радугин оставил Жировицы. Ему удалось устроиться преподавателем в Одесской Духовной Семинарии, а затем он перешел на работу в Московские Духовные Школы. В настоящее время отец Валентин является настоятелем одного из Московских храмов. Петр Михайлович Кирпианский, любитель пения и сам обладатель хорошего тенора, занялся созданием семинарского мужского хора, хотя сам преподавал Догматическое богословие. Управлял он и смешанным соборным хором после смерти регента о. Иоанна Кришпиновича, а также стал преподавать церковное пение. Отношения его к семинаристам были настолько сердечны и просты, что он даже приглашал нас к себе на чай. В похвалу нашему брату скажу, что мы всегда сохраняли субординацию и не доходили до панибратства как бы близко ни соприкасались с теми или иными преподавателями. Петр Михайлович не имел манеры «подавливать» учеников на занятиях. Он обычно за день-другой говорил при встрече: «Готовься, братец, беседовать будем»—и это означало, что он уже наметил тебя в ближайшее время спросить. После закрытия семинарии Кирпианский жил на родине в Пятигорске, где управлял церковным хором. Там он скончался в 80-х годах. К сожалению, более точная дата его смерти мне не известна, так как в церковной периодике никаких сообщений о его кончине не было.

Иеромонах Иоанн (Снычев) в нашей Семинарии преподавал Практическое руководство для пастырей и Гомилетику, но здесь он подвизался всего лишь два года. Осенью 1957 он был направлен в Куйбышев на послушание к Владыке Мануилу (Лемешевскому). Об отце Афанасии и отце Максиме я мало что могу сообщить, так как за пределами аудитории мы с ними почти не общались. Как монахи, они жили своей жизнью, соответствующей их чину. Из числа молодых преподавателей особо следует упомянуть отца Леонида Философова. Это питомец нашей семинарии, которую он закончил в 1955 году. Затем отец Леонид учился в МДА, откуда в 1959 году возвратился в родную школу кандидатом богословия. Преподавал он Историю Русской Церкви после почившего Николая Филипповича Мисюка. Свой предмет отец Леонид знал хорошо, никогда не пользовался во время лекции какими-либо записями или пособиями, но как лектор он мне не запомнился. Может быть одного года работы, а с нашим выпуском он встречался только в первый год своей преподавательской деятельности, было недостаточно для становления его как педагога.

Вообще за все время существования школы в ней проработало в общей сложности 37 преподавателей. Излагая определенные события или проблемы семинарской жизни при написании данных воспоминаний, уже было упомянуто 26 фамилий. Справедливости ради, считаю нужным хотя бы назвать имена остальных. В течение одного учебного года (1947-1948) инспекторскую должность занимал отец Иоанн Рей, представитель дореволюционной школы. Летом 1948 года он скоропостижно скончался. К старой школе принадлежал и отец Феодор Валиковский. В мою бытность он уже не работал, так как летом 1952 года перенес инсульт и у него отнялась одна рука, и стала плохой речь. В памяти сохранился только образ благообразного старца, которого часто можно было видеть в Никольском храме, благо отец Феодор проживал рядом в старом братском корпусе. Скончался отец Феодор в начале 60-х годов.

К числу выпускников Варшавской теологии принадлежал отец Феодор Хращевский, который в течение нескольких лет преподавал Практическое руководство для пастырей и Гомилетику. Это был выдающийся преподаватель, как характеризует его протоиерей Борис Шишко. К сожалению, по каким-то семейным обстоятельствам отец Феодор оставил семинарию и ушел на приходское служение. Если не ошибаюсь, служил он в Новогрудке, а затем в Бобруйске, где и скончался.

В течение двух лет (1947-1949) Гомилетику и Практическое руководство для пастырей преподавал священник Лавр Кляевский. На него был сделан донос об антисоветском содержании его проповедей. Хотя специальная следственная комиссия из Минска нашла эти обвинения беспочвенными, все же отец Лавр вынужден был оставить Семинарию и уйти на приход.

В семинарии имела место текучесть преподавательских кадров. Этот процесс был обусловлен различными причинами, о чем уже в какой-то мере говорилось. Особенно часто менялись преподаватели церковного пения: за время первого возрождения Минской семинарии этот предмет поочередно преподавали 6 человек — Савинич Василий Феодорович, Вольтчик Антон Михайлович, Пигулевский Владимир Антонович, Нэньчук Петр Алексеевич, отец Иоанн Крешпинович и Кирпьянский. Нэньчук был регентом самоучкой, еще до войны начавший певческое поприще в Жировицком монастыре. Затем он учился в Ленинградских Духовных Школах, причем учился на одном курсе с ныне здравствующим Святейшим Патриархом Алексием II. Окончив Академию, он вернулся в Жировицы. После закрытия МинДС работал в Одесской семинарии, а затем, приняв священнический сан, служил в Таллиннской епархии, где и скончался. Любопытной личностью был Вольтчик, родом со Слоимышчины. Он окончил Виленскую семинарию, а затем Варшавскую консерваторию. Это был прекрасный регент. До войны он работал в приходском

храме на Слонимщине (с. Мелькановичи). Тогда он представил варшавскому митрополиту Дионисию церковные песнопения собственного сочинения с просьбой издать их. Владыка Митрополит, ссылаясь на то, что не является специалистом в церковной музыке, отказал просьбе Волынчика. При этом он добавил, что и так имеется предостаточно прекрасных церковных песнопений. Кроме церковной музыки Волынчик сочинял также и светскую. К сожалению, чрезмерное увлечение именно светской музыкой побудило его оставить Семинарию и уйти на музыкальное поприще в миру (в гродненский пединститут). Было бы интересно установить, сохранились ли его сочинения и где находятся.

В течение одного учебного года (1949-1950) в семинарии читались «Основы ведения приусадебного хозяйства». Этот предмет вел Пусев Андрей Данилович. Поскольку такой дисциплины не было ни в одной из существовавших в советское время семинарий, непонятно кем и зачем была введена эта дисциплина, как непонятно и ее сокращение, по крайней мере об этом в архивах семинарии нет никаких сведений.

Динамическое состояние преподавательской корпорации отрицательно сказывалось на работе самих преподавателей, так как им приходилось менять предметы, которые они вели. Перемена предметов была еще связана и с тем, что преподавателям необходимо было набрать определенное количество рабочих часов, поскольку оплата была почасовая. Эти перемены, безусловно, мешали нашим преподавателям работать в полную силу. Кроме того, им приходилось учитывать посредственный уровень знаний многих учащихся, поскольку, как уже говорилось, после войны многие школы, особенно сельские, медленно возрождались.

Тем не менее, не взирая на многие трудности, Минская Духовная семинария, по милости Божией, жила, молилась и трудилась под покровом Богородицы в Ее Свято-Ус-

пенской обители. О достоинстве этих трудов свидетельствуют некоторые цифры: за годы существования Семинарии в советское время полный курс её окончило 243 человека. Из них в дальнейшем 70 человек получили высшее духовное образование, в том числе 33 человека окончили МДА, из них 30 со степенью кандидата богословия, и 37 ЛДА, из них 27 со степенью кандидата. К сожалению, эти цифры могут быть не полными, так как в моём распоряжении нет точных данных по заочному обучению.

В стенах нашей Семинарии получили образование пять архиереев Русской Православной Церкви: архиепископ Валентин (Мищук), находящийся ныне за штатом, архиепископ Семфинопольский Лазарь (Швец), епископ Красноярский Антоний (Черемисов), епископ Кемеровский Софроний (Буцько), епископ Палладий (Шиман), пребывает на покое. Правда, первые три названные архиерея не закончили в нашей семинарии полный курс обучения, так как были призваны в армию, а после демобилизации, поскольку МинДС была уже закрыта, продолжили своё обучение в Московских Духовных Школах. Из числа выпускников МинДА духовные академии РПЦ получили двух профессоров: в МДА—Скурат Константин Ефимович, в ЛДА—протоиерей Стефан Дымша, и двух доцентов МДА—Ричко Николай Николаевич и Антоник Виталий Кириллович. В миру трудится наш выпускник Чудаев Михаил Федорович, кандидат исторических наук, доцент БГУ.

Надеюсь, этот беглый и, безусловно, не совсем точный обзор жизни МинДС в советское время даст хотя бы некоторое представление о наших радостях и скорбях, а заодно побудит вас вознести молитвы о наставниках нашей Семинарии, живых и усопших, трудами которых Беларусь получила в своё время сонм образованных и ревностных пастырей, сохранивших верность Господу Иисусу Христу в годы тотального наступления атеизма на Его Святую Церковь.